

НАТАЛЬЯ БОБРОВА

ЮРИЙ

БОГАТЫРЕВ

ЧУЖОЙ СРЕДИ
СВОИХ

Наталья Анисиевна Боброва
Юрий Богатырев.
Чужой среди своих

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19691472

Н. А. Боброва. Юрий Богатырев. Чужой среди своих: Центрполиграф;

Москва; 2016

ISBN 978-5-227-06575-9

Аннотация

Юрий Богатырев – талантливый актер, жизнь и карьера которого, к сожалению, оборвались слишком рано. Он умер всего в сорок один год, однако, несмотря на это, за столь недолгое время сумел сделать очень многое в кино и театре.

Содержание

Читателям	7
Глава 1. Золотая лихорадка	9
Глава 2. Мистическая шапка	20
Глава 3. Свой среди своих	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Боброва
Юрий Богатырев.
Чужой среди своих

© Н. Боброва, 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Читателям

Четырнадцать лет назад вышло первое издание этой книги. И тут же разлетелось, как стая ласточек. Оказалось, что люди почти ничего не знали об этом артисте как человеке. О том, как он жил, любил, страдал... Тем ценнее пришлась информация из первых рук – от тех, кто его знал, ценил, любил. От родных, друзей и коллег. Печально только, что за это время – четырнадцать лет – некоторых уже не стало... Но радостно, что нашлись и другие, что потом стали выходить статьи, книги, фильмы, телевизионные передачи об этом легендарном артисте. Мои герои, что называется, пошли в народ. И это автору очень приятно.

Но признаюсь: тайна это мощной титанической фигуры все равно осталась до конца неразгаданной. Потому что Богатырева, как русского человека, умом стандартным не понять и никаким аршином общим не измерить. Его талант, «особенная статья» плюс совсем непримерное поведение до сих пор остаются загадкой, которую еще долго будут разгадывать и его современники, и потомки. Рожденный в семье коммуниста, верил не в Бога, а в искусство как религию. Мечтающий играть героев, играл характерные роли. Как многие спасаются храмом – пытался спастись сценой, экраном, кистью... «Современник», МХАТ, кино, радио, телевидение... Везде был востребован, желанен. Хотя любо-

му актеру всегда кажется, что главное еще не сыграно... Что птица удачи вот-вот вспорхнет на его плечо – плечо Егора Шилова из «Своего среди чужих, чужого среди своих», Стасика из «Родни», Ромашки из «Двух капитанов», Штольца из «Нескольких дней из жизни И. И. Обломова» и так далее...

Знаете, как люди радовались, когда их спрашивали о Юрии! Его имя, как секретный код, легко открывал и двери, и сердца. Каждый вспоминал о нем с радостью и удовольствием – как будто он еще рядом, слышит, улыбается, шутит, грустит... А между тем в будущем году ему исполнилось бы семьдесят лет...

Вглядимся же еще раз в эту яркую комету, так досадно быстро мелькнувшую на небосклоне российского искусства.

Спасибо всем, кто помог мне в этом.

Автор

Глава 1. Золотая лихорадка

Бессмертный Егор Шилов ■ Чужой среди своих ■ Люди гибнут за металл ■ Товарищи не понимают ■ Капустные котлеты ■ Залог успеха ■ Лось номер два ■ «Ничто нас не может вышибить из седла!» ■ «Юра, сожми кулак!» ■ «Получай, гад, за Нелю!»

...Он вышел на пригорок.

Весенний ветер развевал ковыль... И его волосы цвета золота... Того самого рокового металла, который он вернул товарищам.

Бесконечно усталый, выпрямился во весь рост. И замер... Крикнуть уже не мог... Да и товарищи далеко, не слышат.

Шилов просто стоял и молча смотрел им вслед.

И вдруг один из них, слегка отстав, оборачивается... А потом все – и Забелин, и Сарычев, и Кунгуров – несутся назад, к нему... Обнимаются, смеются – они снова молоды... они снова счастливы... они снова вместе...

...На такой высокой романтической ноте заканчивался фильм Никиты Михалкова, ставший визитной карточкой Юрия Богатырева, – «Свой среди чужих, чужой среди своих», посвященный борьбе людей за маленький «золотой» саквояжик. Блондин-чекист Егор Шилов стал в нем главным героем и пружиной действия. Напомним, что его вроде бы

убивают, но он загадочным образом воскресает – чтобы доказать «своим», что он «свой»... А золото тем временем переходит из рук в руки, чтобы в конце концов оказаться в руках красных, которые должны обменять его на хлеб для голодающих...

Сюжет фильма весьма запутанный – не случайно многие зрители жаловались, что *ничего* в картине *не успевают понять*. Ясно было одно: «свой» – это красные, чекисты. Среди них – и герой Богатырева.

Артист, следуя общему режиссерскому замыслу, играет своего мужественного героя скупой и лаконично. Мы можем только догадываться о его богатой внутренней жизни... Ни единый мускул не дрогнет на его аскетичном лице во время погонь и перестрелок... Его чекист Шилов – почти робот, человек-автомат, невозмутимый фанатик, ради будущего счастья человечества оставляющий после себя пустыню... Но и ему не чуждо ничто человеческое – вроде привязанности к товарищам? коллегам? соучастникам?

За жестким образом угадывается драматичная судьба, непростая биография и особый, мужественный нерв...

Забегая вперед, скажем, что подобных «маскулинных» ролей в кино у Богатырева больше не будет...

* * *

Кстати, тогда, в 1974 году, «Свой среди чужих, чужой сре-

ди своих» был воспринят зрителями вовсе не на ура.

Сложный авантюрный сюжет, рваный монтаж, «темные съемки», загадочный облик героев, костюмы, стилизованные под западный вестерн, – все это определяло оригинальную стилистику картины, но одновременно несколько раздражало советского зрителя, не привыкшего к такому «трудному» кино.

В журнале «Советский экран» в начале 1975 года вокруг картины разгорелась настоящая боевая полемика.

«500 тысяч рублей золотом, которые герои фильма таскают с собой на протяжении всей картины, весят 260–280 кг. По объему это золото ни в какой саквояж не влезет. Вызывает недоумение и применение в начале 20-х годов дискового ручного пулемета», – удивлялся недалекости кинематографистов один зритель.

«Оригинальность нередко превращается в оригинальничанье, фильм движется скачками, остросюжетные эпизоды перемежаются с длиннотами», – возмущался другой¹.

Так встретил «простой советский народ» картину, которая считается сегодня культовой. И голосовал, как водится, ногами: выйдя на широкий экран в 1974-м, фильм в прокате занял двадцать второе место...

Это 23,7 миллиона зрителей. Для того времени – почти позор... Его опередили такие «шедевры», как «Неисправимый лгун», «Океан», «Пятьдесят на пятьдесят».

¹ Восторг и разочарование // Советский экран. 1975. № 7. С. 9.

Можно предположить, что зрителя смущало два обстоятельства.

Первое. Политическая ангажированность. Картина о подвигах красных, о «годах белых», о набившей оскомину Гражданской войне. Что тут может быть нового и интересного? Вариация на тему «Неуловимых мстителей»? Надоело...

Второе. Это был полнометражный режиссерский дебют представителя прославленного клана Михалковых... А многие помнили, что «на детях гениев природа отдыхает».

* * *

Мало кто знал, что сюжет фильма имел реальную историческую основу. Он был навеян небольшой заметкой в одном из журналов, где рассказывалась реальная история путешествия из Сибири в Москву поезда с золотом, реквизируемым у буржуазии. Оно было захвачено белогвардейским отрядом, переходило из рук в руки, пока наконец не было отбито чекистами... И именно по этим мотивам Никита Михалков и Эдуард Володарский напишут повесть «Красное золото». А затем по ней – два варианта сценария. Второй – двухсерийный, потому что первый изобиловал банальностями. Причем не под конкретного режиссера. Но когда Михалков окончил режиссерский факультет ВГИКа и у него появилась реальная возможность снять свою картину, соавторы начали срочно «ужимать» материал и подгонять его под

себя.

* * *

К тому времени Юрий Богатырев и Никита Михалков уже были знакомы. Мало того – успели вместе поработать. Об этом мне рассказал Никита Сергеевич в своем офисе «Тритэ».

– Я познакомился с Юрой в Щуке, потому что мы учились вместе, – вспоминает Михалков. – Он учился на два курса младше меня. И я помню его невероятно дородную внешность... Помню его в самостоятельной работе по «Подростку» Достоевского – он приготовил отрывок и замечательно там играл...

Но мы как бы не дружили... Меня исключили из Щуки из-за участия в съемках и за то, что я не стал извиняться (так как нарушил правило). И тогда я перешел во ВГИК. К тому же я не хотел после училища три года работать по профессии (что было обязательно по тогдашним законам). Мне не хотелось терять время, мне хотелось заниматься режиссурой. Поэтому я сделал все, чтобы меня все-таки выгнали. И поступил в мастерскую Михаила Ромма, сразу на второй курс.

В то время я жил у Сережи Никоненко в его комнате в коммунальной квартире. Это было совсем недалеко от Щуки, на Сивцевом Вражке. И поэтому вся щукинская команда, как теперь говорят, тусовка у нас дневала и ночевала...

В общем, все подряд «бесчинствовали» в этой квартире...

В училище я ходил на самостоятельные показы – смотреть дипломные работы студентов, – все это было близко мне по духу. Как мне тогда казалось, актерская школа ВГИКа не могла идти в сравнение с Щукинским училищем. Так, собственно, все считали. Когда мы учились в Щуке, нам ведь вбивали в голову: в стране есть только одно училище – Щукинское, где по-настоящему учат быть артистом.

И мы с Юрой пересекались на этих показах-спектаклях. Юра там играл, а я смотрел.

Уже тогда он считался очень перспективным актером. К тому же у него еще было дарование художника. А также замечательный юмор, деликатность в обращении. То есть это был как бы образ артиста начала XX века – мхатовской школы, с интеллигентными манерами и веселыми шутками...

Но мы не были еще близко знакомы...

А когда я начал снимать свою дипломную работу «Спокойный день в конце войны», то совершенно естественно обратился к своим однокашникам – Сереже Артамонову, Вале Смирнитскому, Саше Пороховщикову... И конечно, к Юре Богатыреву (это была одна компания). Тогда-то Юра и попал к нам на съемочную площадку в первый раз.

У него была очень маленькая роль. У других, правда, еще меньше, но там были хоть какие-то слова. Но зато у него была замечательная фактура – белоголовый, голубоглазый, с русой щетиной... Потрясающая фактура уже тогда...

Потом я начал готовиться к «Своему среди чужих...». Вместе с Эдиком Володарским мы написали сценарий. И конечно, уже тогда в нем была роль для Юры. Потому что я видел его на экране и уже знал – по отрывкам из Достоевского, которого он очень любил, и по очень смешным ролям в водевилях, – какой он универсальный артист, какой замечательный характер. Но... я ушел в армию, и все отложилось на год с лишним.

* * *

Уезжая на Камчатку, Михалков попросил Богатырева не сниматься до его возвращения, пообещал хорошую роль. Тот поверил и стал ждать. И худеть. Потому что понимал: чекист Егор Шилов не может быть толстяком! И несколько месяцев, к изумлению соседей по общежитию, Богатырев обреченно ел капустные котлеты. Без хлеба. Он чувствовал, каким внешне должен быть его Шилов – поджарым, мускулистым...

* * *

Михалков вспоминает:

– Когда я вернулся, у меня столько накопилось энергии и жажды работы, что мы тут же включились и стали всех про-

бовать... Но на роль Шилова я никого не пробовал, кроме Юры.

Его физическая форма вызывала у всех уважение. Если группа называла меня «лось номер один», потому что я очень много бегал, занимался спортом, то его – «лось номер два». Он был совершенно фантастической выносливости. Его огромные руки все называли «верхние ноги» – они были с гигантскими кистями и толстыми, мощными пальцами.

Вообще, Господь одарил его совершенно невероятной фактурой. Юра был сложен так потрясающе, что, когда мы снимали финальную сцену, где он бежал в свитерке навстречу товарищам, то он, никогда не занимавшийся спортом, выглядел настоящим ширококостным атлетом с рельефными мышцами...

* * *

Михалкова во время съемок больше всего поразили два обстоятельства.

Первое. Богатырев так сидел в седле, как будто родился ковбоем. Михалков, выросший на конном заводе и с детства ездивший верхом, не мог поверить, что за неделю можно стать таким ловким наездником.

– Помню, спросил его, – продолжает Михалков, – «А верхом ты ездешь?» – «Никогда не ездил...» – «Ну и как ты?» –

«Я научусь».

И он сделал это просто в считанные дни, и виртуозно – сел на коня и тут же поехал.

Второе, что поразило Михалкова, – неумение Богатырева драться. Это режиссера очень напугало: фактура есть, а как снимать?

– Однажды я испытал шок, когда мы должны были снимать сцены, где он сжимает кулак, – говорит Михалков. – Я увидел, как он абсолютно по-женски сжал кулак, прижав большой палец к ладони, и был совершенно потрясен. Я спросил: «Юра, ты что? Ну-ка, ну-ка, сожми кулак. Ты что, никогда не дрался?»

И он признался, что да, никогда. Я понял, что он действительно никогда не дрался. И пришел в ужас, потому что в картине ему предстояло играть много чего – там были и бои, и пот, и кровь, и все такое мужское...

Мы начали репетировать сцену драки – и он все сделал потрясающе, абсолютно точно.

* * *

Кстати, сам Богатырев запомнил этот эпизод на всю жизнь.

В этой сцене он действительно никак не мог ударить Александра Кайдановского, да еще с требуемым воплем: «Убью тебя, паскуда!»

– Он потом мне об этом рассказывал, – вспоминала его подруга юности Нелли Игнатьева. – Он очень переживал, что подведет группу, – Никита нервничает, аппаратура простаивает... И ему тогда помогло одно воспоминание. Как-то незадолго до этого мы вместе с Юрой входили в ресторан ВТО, которое располагалось тогда на улице Горького. А в этот момент выходил Кайдановский и по неосторожности отпустил тяжелую дверь, которая прищемила мне руку и снесла ноготь с пальца... Я просто закричала от боли.

И вот когда Юра мучился с той сценой, он вдруг все это вспомнил. И тогда все получилось. И вопль, и удар – вот тебе, гад, получай за Нелю! «Убью тебя, паскуда!»

Никита был рад:

– Попал!

* * *

– Это была восхитительная, но тяжелая работа, – вспоминает Никита Михалков. – И что самое ужасное – съемки шли именно там, где потом шла война. Урус-Мартановский район, Ачхой-Мартановский район, Ведено, Комсомольское, Толстой-Юрт – там снимался наш фильм... Эти названия я запомнил на всю жизнь...

Когда мы закончили картину, я еще раз убедился, что был прав, выбрав Юру. Я просто не представлял себе, где еще можно было бы найти такое свежее лицо и такие гигантские

актерские возможности, как у него... С этого началась наша серьезная совместная работа. Дальше уже все писалось для Юры...

* * *

Именно на съемках «Своего среди чужих...» Сергей Шакуров познакомился с Богатыревым. Он убежден, что Михалков правильно тогда подобрал к нему ключик.

Психологически подготовил, попросив не обращать внимания на корифеев, не тушеваться. Никакой робости у него не было, убежден Шакуров. На равных всё было... Хотя у Никиты это была первая большая картина. Он собрал абсолютно разных артистов из разных театров. Солоницын – одной школы, Кайдановский – второй, Шакуров – третьей и так далее. И всё это надо было соединить.

А жили они на съемках кибуцем – дружной, большой семьей. Чечня тогда еще была мирной, зажиточной... Население относилось к артистам с любовью, помогало, чем могло. Поэтому те давние съемки вспоминаются сегодня Шакурову как какой-то очень светлый праздник. Хотя и при безумных энергетических затратах у каждого, и при строгом режиме – ведь требовались немалые физические нагрузки. Плюс верховая езда.

Глава 2. Мистическая шапка

Питерский замес ■ Она звалась Татьяна ■ Вальс со стулом ■ «Будьте моей женой!» ■ Занимательная география ■ «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» ■ «Будет Юрка!» ■ Кот на плече ■ «Кто этот белокочан?» ■ Лунный мальчик ■ Не по Сеньке шапка ■ «Ты будешь Мальвиной!» ■ Фатальное соседство

...Сразу оговоримся: эта глава в прошедшем времени. Потому что главной ее героини – Татьяны Васильевны Богатыревой – уже, увы, нет с нами...

...Утопающая в зелени типовая пятиэтажка на далекой окраине Санкт-Петербурга, вдали от его дворцов и мостов... Скромный подъезд хрущобы... Обшарпанные лестничные пролеты... Несколько шагов вверх – и дверь открывает хозяйка – Татьяна Васильевна Богатырева. Она рассказывает, как по этим ступенькам не раз взбегал ее сын – студент, а потом молодой, но уже известный артист... В «красном углу» комнаты – домашний мемориал с его фотографиями. А рядом портреты других, самых близких, дорогих людей в жизни Татьяны Васильевны – дочери Риты, мужа Георгия Андриановича...

Тогда, в начале 2000-х, пережив их, она осталась в этой квартире вместе с Таней – внучкой-студенткой, дочкой Ри-

ты. Другой внук – Володя, моряк, – служил в Мурманске.

* * *

Татьяна Васильевна всегда отличалась слабым здоровьем. Пережила две серьезные операции. И призналась мне: теперь все реже накрывает большой гостеприимный стол. А когда-то вся семья собиралась за ним. Звенел смех, звучала музыка, пахло пирогами – она вкусно готовила, выпечка – ее конек. Ведь у нее настоящая рабоче-крестьянская закваска.

Родилась будущая мама артиста 22 декабря 1917 года в деревне Кипрово Бологовского района Калининской области десятым (!) ребенком. Правда, выжили в те трудные времена лишь восемь детей – четыре девочки и четыре мальчика. Поэтому, спасаясь от голода, семья перебралась в Питер.

– Квартира на 10-й линии, где я выросла, предназначалась для одиннадцати семей, – вспоминала Татьяна Васильевна. – И там была всего-навсего одна кухня! Представляете, что творилось, когда собирались все хозяйки? Сейчас там осталась жить внучка моей сестры. Жизнь, конечно, была трудная, но кому тогда было легко? Учиться в старших классах считалось роскошью. Прибавив год, пошла работать на знаменитый Козицкий завод – нужно было помогать родителям. А вечерами училась в школе для взрослых...

Татьяна Васильевна подливает чай и на минутку задумывается:

– У нас в роду вообще-то ни художников, ни актеров не было. Но я очень любила танцевать и в клубной самодеятельности первая была с шестого класса! В Доме культуры имени С. М. Кирова на Большом проспекте танцевала все: венгерку, мазурку, вальс-бостон, венский вальс, танго и многое другое. Тем более кавалеров хватало – Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Как-то забрел туда с товарищами на вечер и курсант Георгий Богатырев. Он изрядно робел, глядя на умопомрачительные па девушек. И начал упорно учиться танцевать – со стулом, чтобы грамотно пригласить приглянувшуюся девушку на тур вальса и не опозориться.

Он был такой влюбленный, – улыбается Татьяна Васильевна. – Все твердил друзьям: лучше ее нет! И вот я пришла к ним на выпускной вечер – и мы так хорошо провели время: танцевали до упаду.

Им было о чем поговорить – ведь Георгий Андрианович тоже оказался из многодетной семьи: рядом с ним росли четыре брата и одна сестра... И тоже, кстати, из деревни – он родился 13 февраля 1914 года в удмуртской деревне Верх-Позимь Боткинского района... У них оказалась идеальная разница в возрасте – три года...

После двух недель усиленных ухаживаний Георгий Андрианович сделал предложение, а Татьяна Васильевна, подумав, его приняла. Некоторую скоропалительность своего замужества она объясняет тем, что на танцах сразу же заприметила курсанта, взиравшего на нее издали с немим обожанием. А знакомство лишь завершило то, что уже было решено на небесах.

8 октября 1937 года они зарегистрировались в обычном районном ЗАГСе, посидели в кафе – жених, невеста, друг жениха, подружка невесты. И потом для родственников, которых у жениха и невесты набралось пол-Ленинграда, была сыграна веселая свадьба в пятидесятиметровой комнате невесты.

И началась занимательная история с географией.

Сначала супруги уехали по распределению во Владивосток. Потом экскурсанта Богатырева отправили в Ленинград на высшие курсы, потом снова на Дальний Восток, в Находку. Затем он поступает в Военно-морскую академию имени К. Е. Ворошилова.

И тут – война. У Богатырева как слушателя академии – бронь. Академия эвакуируется в Самарканд. Туда и перебирается вся семья. Там Георгий Андрианович заболевает брюшным тифом. Кстати, именно в этом далеком узбекском

городе Богатыревы узнали, что такое голод. Впрочем, шла война, и голодала вся страна. Татьяне Васильевне приходилось иногда продавать одежду, чтобы купить хлеб для семьи, – тогда уже появилась на свет Рита, старшая из детей...

* * *

В 1945-м в числе пяти выпускников Георгий Андрианович успешно оканчивает штурманский факультет. И становится настоящим «морским волком».

Его законная акватория теперь – Балтийское море. Они переезжают в Балдарай – живописное местечко, окруженное соснами, в сорока километрах от Риги. Деревянные домики, проселочная «дикая» дорога...

И снова коммуналка. Они получили двадцатипятиметровую комнату в квартире на пятнадцать семей. Георгий Андрианович неделями пропадал в море. Татьяна Васильевна оставалась с дочкой Ритой.

– Но Георгий очень хотел сына, – продолжает Татьяна Васильевна. – А я не беременела два года... Как только у меня задержка, муж всем говорит: «Ну, будет Юрка!» И писал друзьям: «Скоро у нас Юра будет». Хотели только Юру... И наконец я забеременела. Не знаю, что помогло...

Татьяна Васильевна вспоминает март 1947 года:

– Вечером я еще танцевала в клубе с друзьями-офицерами... А в шесть часов утра у меня начались схватки... Муж

побежал на базу, и выяснилось, что помочь некому – все в увольнении. Потом все-таки нашли какого-то моряка с грузовиком. Я сижу, жду машину, а муж тем временем от волнения заснул в Главном штабе – так перенервничал! Еле добудились! Но вот наконец меня доставили по назначению, и я в рижском роддоме... Муж побежал что-то покушать... А я тем временем взяла и родила! Он возвращается, а его все поздравляют: «Георгий Андрианович! С сыночком! Богатырь у вас! Вес – четыре килограмма, рост – пятьдесят один сантиметр!»

И крестили сына там же, в Риге. Тем более что имя было выбрано уже давно...

* * *

Георгий Андрианович был счастлив. Хотя времени для общения с сыном у него было мало – флагманский штурман бригады, потом капитан, он все время проводил в походе, в море. Возвращался домой лишь на короткие побывки. И уже в раннем детстве Юра очень хорошо начал понимать, что такое подводная лодка.

Как во многих тамошних моряцких семьях, в семье Богатыревых сложилась традиция торжественных встреч на причале.

– Мы всегда ходили встречать папу, когда он возвращался домой из похода, – вспоминала Татьяна Васильевна. – Мне

сообщал начальник, что, мол, лодка вашего мужа прибывает. Мы шли и кота собой брали. Так и стояли все вместе, всматриваясь в горизонт.

А спустя некоторое время белобрысый четырехлетний Юрик Богатырев уже выступал перед первыми зрителями на вечерах в Военно-морском клубе. Живой, непоседливый, он лихо плясал в матросском костюмчике – и «Яблочко», и «Цыганочку», и «Барыню».

Взрослые дивились:

– Кто этот белокочан?

Татьяна Васильевна гордо отвечала:

– Да это мой сын!

Неизвестно, где юный танцор подсмотрел фигуры танца, но все его движения были точны – и руки шли назад в «Яблочке», и «веревочка» вилась...

Тогда же он начал читать стихи на бис – правда, картавя. «Артист» не выговаривал букву «р». Но однажды увидел очень красивую спелую бруснику – и пристал к взрослым:

– Что это? Блусника?

Те поддразнили. Он же целыми днями заворуженно твердил вслух «блусника, блусника»... Пока не получилась именно «брусника».

* * *

Потом Георгия Андриановича перевели служить в Моск-

ву. Вся семья поселилась на Левобережной...

И там родителям пришлось порядком понервничать.

По ночам пятилетний Юра регулярно вставал во сне и ходил по квартире, нарядившись в шелковый халат с черными страусами на голубом фоне. Картину завершала мамина шляпа с пером, вуалькой и мушками. Потом все аккуратно снимал и как ни в чем не бывало ложился спать дальше.

– Ведь как аккуратно вешал халат на место! – поражалась Татьяна Васильевна. – Кочерга стояла рядом с халатом и не падала! Мы в таких случаях его никогда не будили... Потом только спросим:

– Ты помнишь?

– Нет.

Отец, конечно, боялся за него – форточка же была открыта... С годами этот лунатизм как-то сам собой прошел... Но осталась более серьезная проблема, о которой мало кто подозревал: после скарлатины, перенесенной в детстве, у него развилось осложнение – порок сердца. Эта болезнь долго не давала о себе знать, только после смерти отца, которую Юра очень тяжело пережил, возобновилась с новой силой...

* * *

Кем мог стать Юрий, если бы не стал артистом? Татьяна Васильевна говорит, что с первого класса в его дневнике красовались одни пятерки, чем мама очень гордилась. А

он ужасно хотел быть как папа – моряком. А где «делают» моряков? Конечно, в Нахимовском училище. Набор – в четвертом классе.

Поэтому, когда Юре стукнуло десять лет, его отправили в Питер – поступать в Нахимовское. Причем одного. Там его встретил один из многочисленных дядей и лично привел в училище. Юра поступил.

Спустя некоторое время дядя зашел его поведать:

- Где мой племянник?
- Богатырев? Да в лазарете он.
- Что случилось?
- У него понос и рвота.

Оказалось, мальчик заболел на нервной почве. Отличник Юра прежде никогда из дома не уезжал. А тут такой стресс. Плюс нервотрепка на экзаменах, а еще у него куда-то пропали шапка и носки. Кто-то из мальчишек стащил – решили так подшутить над новичком. А на дворе уже гремел питерский ноябрьский мороз...

Юра тогда твердо заявил дяде:

- Я возвращаюсь домой!

* * *

7 ноября в квартире Богатыревых, как всегда, собрались гости за праздничным столом. Татьяна Васильевна помнит даже теперь, что сварила холодец плюс разносолы – тогда

ведь гуляли ноябрьские серьезно, по три дня. Пришли сослуживцы Георгия Андриановича, его друзья. И все почему-то стали пенять хозяину: зачем, мол, отдал Юрочку в Нахимовское училище?

Георгий Андрианович расстроился.

Татьяна Васильевна решила подбодрить мужа:

– Да не плачь! Юра вернется!

И тут вдруг, как в сказке, открывается дверь, и на пороге Юра – худой, без шапки, счастливый и расстроенный одновременно. И главное – очень самостоятельный: уехал один и приехал один...

С того дня мечту о море у него как отрезало. Он понял, что через казарму пройти не сможет.

– Если бы не украли эту злополучную шапку и носки, – вздыхает Татьяна Васильевна, – судьба у него, может, со всем по-другому сложилась бы...

И вспоминает, что его всегда дразнили «девчоночником».

* * *

Дружил он почти исключительно с девочками. Причем творчески. Так, уже в Москве, на Левобережной, придумал для подружек «кукольный театр» во дворе – в беседке, обвитой хмелем. Там стоял столик-сцена, шторы играли роль занавеса.

Сам всем руководил: сшил платья куклам из маминых ха-

латов, распределил среди девочек роли: «Ты – Мальвина, ты – лиса Алиса, ты – Буратино». Дворовые «артисты» и их мамы с нетерпением ждали, когда «режиссер» вернется из школы и откроет свой «театр». А уж какие аплодисменты устраивали после «премьер»!

Тем не менее дорога «в артисты» оказалась совсем не прямой. Потому что, помимо сцены, его безумно привлекала живопись.

– У нас была соседка, пожилая художница, – вспоминала Татьяна Васильевна. – У нее Юра просиживал допоздна, наблюдая, как она делает батик. Получались на ткани такие красивые цветы – розы, гвоздики, астры... Юра просто влюбился в нее. Просиживал часами, рисовал, рисовал – с детства это у него очень хорошо получалось. И одновременно мучился размышлениями о будущем.

Он действительно не знал, кем быть – художником или артистом. Мы с отцом говорили: «Юра, кем хочешь – тем и будь». И вот он поступил в Художественное училище имени М. И. Калинина... Но как оказалось, выбор этот был не окончательным...

Глава 3. Свой среди своих

Заразная живопись ■ Бедный Юрик ■ Лесные таланты ■ Кукольные гастролеры ■ «Покажи певицу!» ■ Смешинка – это серьезно ■ Неожиданный Маяковский ■ Ленинградские посиделки ■ Две бутылки на десятерых ■ «Как денди лондонский...» ■ Дискотеки с боем ■ Дистанция огромного размера

Художник или артист? Казалось бы, выбор сделан – Юрий поступает в художественное училище. Но сомнения продолжают его терзать. Спустя много лет он поймет и признается в одном интервью: «Чтобы по-настоящему заниматься живописью, надо посвятить этому всю жизнь, целиком».

Оказывается, он был к этому не готов.

«Поэтому я никогда не стану профессиональным художником. Для меня рисование – увлечение, которое появилось в моей жизни очень давно и к которому я отношусь достаточно серьезно».

Такое трепетное отношение к изобразительному искусству сложилось у него еще со школьных лет – во многом благодаря усилиям школьного учителя рисования – Владимира Ильича Тарасова.

О нем он будет вспоминать с благодарностью и любовью. Но... вместо положенных пяти лет он проучился на худож-

ника только три года. Театр победил окончательно. Но не сразу.

* * *

Тинейджерам, как известно, всегда не хватает денег на карманные расходы. Гордый Юрий предпочитал не кланчить у родителей, а подрабатывать на археологических раскопках. Там зарисовывал для ученых найденные «сокровища» – остатки женских украшений, монеты, черепки от глиняной посуды...

Из одной такой экспедиции он привез домой... настоящий человеческий череп. Сестра Рита, учившаяся на стоматолога, сначала ахнула, а затем весьма практично использовала это «учебное пособие» для подготовки к экзаменам в институте. Тогда же на самостоятельно заработанные деньги Юрий сделал первые самостоятельные покупки: купил нейлоновый коричневый плащ. Но будущее с археологией все-таки не связывал. Когда в дом приходили гости – его всегда просили почитать стихи, попеть. Он никогда не отказывался – воспринимал это как очередную репетицию.

* * *

...Живописный лес за подмосковным Тучковым. Разры-

тый курган. Многочисленные палатки археологов вокруг. Именно здесь произошла судьбоносная для четырнадцатилетнего Юрия встреча. В соседних с ним палатках оказались мальчики и девочки из детского кукольного театра Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах. Послушаем одного из них.

Александр Нестеров, филолог-переводчик:

– Наше знакомство с Юрой состоялось летом в начале 60-х годов. Он был тогда студентом художественного училища и каждый сезон работал в археологической экспедиции в Подмосковье, старательно зарисовывая все, что там обнаруживали ученые, – бусины, осколки сосудов, остатки древнего оружия... Каждый день в составе взрослой бригады археологов Юра ходил на холм, где велись раскопки. Какой студент не воспользуется возможностью подработать? Тем более такое красивое место под Москвой.

А недалеко от этого холма раскопок был разбит летний лесной лагерь московского Дворца пионеров и школьников. Маленькие палатки, несколько деревянных строений – там помещались кухня и какие-то подсобные помещения. Этот лагерь существовал несколько лет и пользовался огромной популярностью у ребят. Вместе с детьми самого разного возраста туда выезжали и руководители коллективов. Они могли в это время общаться со своими подопечными более тесно, чем зимой, когда встречались на занятиях два-три раза в неделю. В лагере кипела бурная деятельность. Кто-то из ре-

бят конструировал там технические модели – самолеты, катера, кто-то занимался радиоделом, фотографией, шахматами...

Я тогда занимался в кукольном театре. И мы отправлялись в этот лагерь не только чтобы отдохнуть, но и репетировать, выступить. Наша небольшая бригада ездила с куклами по близлежащим пионерским лагерям и давала там концерты. Этим, кстати, мы и отличались от других ребят.

У наших ребят в лагере открылись разнообразные таланты. Кто-то вдруг начал играть на музыкальном инструменте – баяне или гитаре. Кто-то из девушек вдруг стал петь. А в кукольных спектаклях мы использовали в основном элементарные, так называемые «перчаточные куклы». И у нас сложился, по сути, целый маленький спектакль из отдельных номеров, в основном юмористических и сатирических.

Например, помню, была у нас красивая кукла – пародия на известную певицу. Довольно сложное устройство внутри – наклонялась голова, открывались и поворачивались глазки, растягивались в улыбке пухлые губы, двигались руки, ноги... Наш кукольный концерт был дан и для обитателей лагеря. Мы хотели, чтобы все знали, на что способны.

А еще мы дежурили на раскопках по определенному распорядку. И кстати говоря, ходили туда с восторгом – было действительно интересно. К тому же сразу по приезду ученые нам устроили подробную лекцию о том, что это за поселение.

И вот наши репетиции с куклами привлекли внимание молодого студента-художника. Именно та самая сложная кукла, изображающая певицу, и вызвала тогда у Юры живой интерес. Увидев маленький концерт в нашем подшефном лагере, он очень заинтересовался. После окончания концерта Юра подошел ко мне и попросил разрешения посмотреть поближе куклу: «Покажи!» Я показал. Он взял в руки куклу, было видно, что ему страшно интересно – за что держать, как надо двигать, чтобы поворачивалась голова...

Так я познакомился с Юрой Богатыревым. Потом уже он показал нам свои рисунки. Мне тоже было очень интересно встретить настоящего художника – хоть и будущего. Каждый день мы встречались и разговаривали. А в сентябре, когда лето кончилось, начались занятия в школе и по кружкам, Юра пришел к нам, к руководителю нашего кружка Владимиру Михайловичу Штейну, выдающемуся деятелю искусства, многогранной личности, у которого сложилось свое представление о возможностях кукольного театра вообще и детского в частности. И его спектакли серьезно отличались от традиционных работ кукольников.

* * *

– Помню наши разговоры с ним той поры, – продолжает Нестеров. – Они в основном касались его будущей профессии – живописи. Тогда он еще видел себя художником. И

даже рисовал эскизы к некоторым нашим спектаклям. Они, кстати, были вовсе не детские. Мы же выросли, и наш руководитель совершил переход от детских спектаклей типа «По щучьему велению», «Кошкин дом» к более серьезным постановкам. Может быть, это было веянием времени, не знаю... У нас стали ставиться пародийные сатирические мини-спектакли. Среди тогдашних авторов детского кукольного театра оказался и Марк Розовский. Мы ставили номера на его тексты. И Юра тут оказался очень нужен. И в спектакле по басням украинского писателя Феликса Кривина Юра тоже участвовал в качестве кукловода.

Но у него иногда возникала «техническая» проблема – попадала «смешинка в рот». Причем он так заразительно смеялся! Во время репетиций еще куда ни шло. Но во время спектакля это же невозможно! Там требовалась стопроцентная серьезность по отношению ко всему происходящему и перед ширмой, и за ширмой. Требовались тишина и внимание. А Юра каждый раз, давясь от смеха, что-то изображал. У нас с ним получалось много смешных номеров, но ему приходилось постоянно сдерживаться. Поэтому я понимал, что он все-таки не кукольник.

Тогда еще он только присматривался. Ждал своего часа... Если мы что-то пели – подпевал... И час этот наступил.

Штейн решил ставить спектакль по стихам Владимира Маяковского. И Юру выбрал ведущим. Начались серьезные репетиции.

Юра очень хорошо выглядел, выразительно декламировал, четко двигался. Но он еще не умел читать текстов в определенной сценической стилистике, тем более осознанно двигаться на сцене.

Начался процесс обучения. Мы занимались и друг с другом, и по отдельности. Нельзя сказать, что у Юры все получалось легко и сразу. Вовсе нет. Многие вещи давались ему с большим трудом. Но Штейн видел, что у Юры получается все же лучше, чем у тех ребят, которые уже давно занимались, у которых были поставлены голоса, дикция, движение. Они знали цель спектакля, чувствовали драматургию... Тем не менее на главную роль он выбрал его – неопытного парня, который многое на сцене еще не знал, не умел.

Юра сначала отчаивался от того, что многое у него не получается. Стоял в уголке и грыз ногти, выслушивая критические замечания Штейна, который был достаточно строгий педагог. Творческая дисциплина была для него обязательна.

А задача для Юры была поставлена непростая, интересная – артист из-за ширмы от участников спектакля выходил к зрителю... И наоборот... Такое постоянное перевоплоще-

ние. Это необычно для кукольного представления – ведущий находился то на сцене перед зрителями у ширмы, то за самой ширмой.

Тем более что оригинально были подобраны и стихи. Напомню, что тогда многие произведения Маяковского проходили в школе. Само имя поэта не вызывало особого восторга. Но Штейн предложил малоизвестные стихи, которые совсем не ассоциировались с расхожим представлением о поэте и вызывали живой интерес, а не хрестоматийную скуку.

Соответственно и ведущий должен был интриговать, привлекать внимание. С другой стороны, в его обязанности входило и вплетение в канву «верноподданного» стишка, чтобы спектакль разрешили показывать, – например, патриотических «Стихов о советском паспорте». И Юра с этой двойной задачей блестяще справлялся.

* * *

Нестеров считает, что, возможно, именно тогда и родилось у Юрия желание изменить будущую профессию.

– Мне кажется, что именно в тот период у него произошла переориентация интересов с живописного творчества на творчество театрально-художественное. А до этого необходимости что-то менять не было. Он же прекрасно рисовал, учился в серьезном художественном училище. Но у него появились серьезные внутренние причины на этот шаг.

Во-первых, Юра оказался под мудрым творческим руководством. Владимир Михайлович Штейн никогда не был ограничен чисто «кукольными» интересами.

Во-вторых, у нас было активное «культурное» общение друг с другом. Мы вместе ходили в театры, в кино, на концерты. Каждый год на зимние каникулы ездили в Ленинград – проводили целые дни в самых серьезных и знаменитых музеях. А вечером разговаривали об искусстве.

Штейн, конечно, знал намного больше нас, и свои педагогические акции проводил очень ненавязчиво. Получалось как бы само собой, что вечером мы обсуждаем увиденное днем в музеях.

Так Юра оказался под чутким и строгим руководством замечательного педагога, который за короткий промежуток времени сумел научить способного парня читать стихи, прозу, правильно двигаться на сцене, преодолевать стеснение... Именно Владимир Михайлович открыл ему, что он может быть артистом...

Хотя не все шло гладко, сбои у него случались. В спектакле по стихам Маяковского он иногда убегал не в том направлении. Мы стоим за ширмой и ждем, когда он скажет положенные слова и аккуратно уйдет за кулисы, чтобы нам начать свое действие. А он совсем не туда идет. И ничуть не переживает – напротив, все это вызывает у него приступы веселья. Но каких-то серьезных провалов у него не было.

Нестеров ностальгически вспоминает о том времени:

– Наш коллектив «Глобус» был очень яркий, хотя и небольшой – около пятнадцати человек. Кто-то уходил, поступая в институт, кто-то приводил новеньких... Но особенность нашего театра была в том, что нас всех связывала тесная дружба.

Мы много общались. Хотя времена для этого были не самые удачные. Возможности для встреч были весьма ограниченные. Мало кто из нас жил в отдельной квартире, жили в основном в коммуналках. Мы часто собирались дома у наших девочек – у Греты Аснис, Нины Турчак, Тани Майдель, ее одноклассницы Нели Якубовой. Устраивали вечера вскладчину: две бутылки вина на десять человек, винегрет. Неля всегда приносила что-нибудь вкусное – например, печенье, сделанное своими руками по татарскому рецепту. И эта вечеринка – в квартире с соседями: надо вести себя достаточно тихо, чтобы не вызвать их неудовольствия. А хотелось и потанцевать, и попеть.

Ведь дискотек тогда просто не существовало, – вспоминает Нестеров. – Если во Дворце пионеров устраивали танцы, то коллективы, которые занимались там, должны были выделить здоровых парней-дружинников на охрану входа, потому что люди рвались на танцы как сумасшедшие. И Юра

тоже зачастую стоял в оцеплении. Он, как и все, подежурит, а потом сам сходит потанцевать...

* * *

Каким он был тогда?

Александр Нестеров задумывается:

– Открытый, веселый человек. И достаточно заводной. Это потом уже стал более скрытным. Влияние среды, возможно. А когда мы общались – этого вовсе не было.

Хотя с другой стороны... Бывают люди, которые всем рассказывают о своих влюбленностях. А есть такие, которые полагают, что не следует этого делать. Он был из числа последних. Наверное, у него были увлечения, но он не откровенничал с нами, никому не поверял свои личные проблемы. И в памяти у меня осталась только очень приятная сторона общения с ним – чисто дружески-творческая... А может, все дело было в том, что все-таки мы были еще школьниками, а он – студентом. И выглядел иначе. Следил за модой – завел себе костюм, носил рубашку с галстуком. Узнал, где находится хорошая парикмахерская, и был всегда аккуратно пострижен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.